

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Полуторавековая историография Кавказской войны и связанных с ней проблем уже была предметом исследовательского анализа. Задача данной статьи – не столько подвести итоги изучения этой сложной темы, сколько обратить внимание на некоторые новые тенденции, наметившиеся уже в XXI в. Известный историк В.В. Дегоев в работе "Проблемы Кавказской войны XIX в.: историографические итоги" справедливо, на мой взгляд, подчеркивает, что остается нерешенной проблема типологической идентификации войны. Это объясняется тем, что в советский период ученые вынуждены были работать в рамках "антиколониально-антифеодальной" схемы объяснения войны. Кроме того, в 1930–1970-е гг. специалистам приходилось учитывать изменения взглядов кремлевских идеологов на роль отдельных личностей, следить за внутри- и внешнеполитической конъюнктурой, реагировать на усиление или ослабление атеистической пропаганды. Историографическую же ситуацию второй половины 1980–1990-х гг. Дегоев охарактеризовал деликатно и в то же время четко: процесс включения Кавказа в состав Российской империи был болезненно актуализирован, а военные действия и межнациональные столкновения переплелись с "войнами памяти". При этом масштаб вторжения воинствующих дилетантов и политических спекулянтов в научные дискуссии превзошел все мыслимые пределы. Старая конъюнктура оказалась вытеснена новой: сюжеты о "добровольном" характере и "прогрессивном значении" присоединения народов Кавказа к России вообще упразднили. Многократно ослаблено внимание к внутрикавказским социальным и политическим конфликтам, в большинстве работ безоговорочно утверждается тезис о национально-освободительном содержании движения горцев.

Анализ научной литературы позволил Дегоеву сделать вывод, что осью дискуссий о природе Кавказской войны является вопрос о том, была ли война порождена активизацией России на пространстве между Черным и Каспийским морями, или причину конфликта следует искать в особенностях развития народов этого региона. Завершается статья пожеланием «молодому поколению российских ученых, не обремененных старыми "правилами игры" в историю» использовать шанс для творческого прорыва в области изучения истории Кавказской войны¹.

Как же откликнулись коллеги по цеху на этот призыв? Первые основательные попытки нового взгляда на проблему принадлежат опытным авторам. Я.А. Гордин, известный специалист в области декабристоведения, в своей книге "Кавказ. Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века" исследовал как складывание, так и "материализацию" имперской идеи. В дореволюционной историографии сама эта идея анализу не подвергалась, поскольку принималась априорно. В советской же литературе мотивация действий "верхов" не являлась предметом специальных исследований уже по иным причинам. В лучшем случае высказывания идеологов имперского расширения трактовались как маскировка колониальных интересов, как оправдание эксплуатации горцев и подавления их национально-освободительного движения. Гордин показывает, как осмысливали события на Кавказе декабристы – П.И. Пестель, М.С. Лунин, А.Е. Розен, а также Н.А. Добролюбов и А.С. Грибоедов. Важным и обоснованным взглядом также тезис о том, что сначала для Петербурга "Кавказ был привходящим обстоятельством, тяжелой помехой в движении, направленном мимо него"². В результате этого осмысление "горской проблемы" началось уже в процессе "умиротворения" Кабарды, Чечни и Дагестана. Автор показал, что результатом политики П.Д. Цицианова и А.П. Ермолова стало создание идеальных предпосылок "для объединения вольных

* Лапин Владимир Викентьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

обществ и освободившихся от локальной деспотии жителей ханств под властью теократического лидера"³. Впервые в историографии на основании широкого круга источников исследован процесс формирования взглядов тех, кто принимал решения: от императора до военачальников, непосредственно руководивших крупными боевыми операциями. Несмотря на отсутствие у Гордина прямых заявлений о непродуктивности дискуссии по поводу того, "внешние" или "внутренние" факторы (имперская экспансия или набеговая активность горцев) послужили причиной войны, позиция автора по этому поводу ясна. В книге достаточно четко указывается на то, что "поиск виновника" развязывания войны – совершенно бесперспективное дело. Узел конфликта был намертво завязан как "нежеланием и невозможностью для русской стороны воспринять горский мир", так и "нежеланием и невозможностью для горцев отказаться... в первую очередь от набеговой системы"⁴.

Для дореволюционных историков необходимость защиты от "хищников", как называли в официальных документах участников вооруженных нападений на мирных жителей, являлась главным обоснованием законности действий российской стороны. В словаре советских историков "набег" занял очень скромное место в связи с изменениями в оптике исследования. В постсоветское время в националистически окрашенных работах тема набег нещадно эксплуатировалась для обоснования тезиса об "извечной" склонности коренного населения Северного Кавказа к насилию. Оппоненты же такого подхода в полемическом азарте нередко доходили до отрицания самого факта массовых походов за добычей, заявляя, что все рассказы об "удальцах" – творение так называемых ориенталистов, превративших восточную (в данном случае кавказскую) экзотику в плоть научных сочинений. В настоящее время тенденция к развенчанию мифа о "горском хищничестве" явно преобладает. При этом доказывается факт совершенно очевидный: основным занятием населения Северного Кавказа было земледелие и скотоводство, а не захват добычи в набеггах⁵. Однако те же авторы не в состоянии отрицать большую роль организованного насилия в горском обществе⁶.

Примечательно, что до настоящего времени по представлению о набеге как о некоей фундаментальной составляющей горской экономики не нанесен удар с позиций статистики и географии, экономической истории и истории повседневности. Грабеж и воровство – ремесло высокодоходное и не очень утомительное только в том случае, когда добычу составляют деньги или ценные предметы, которые затем используются для приобретения пищи, предметов обихода и т.д. В условиях Северного Кавказа, где доминировало натуральное хозяйство, тайное и явное хищение зерна, скота, фуража никак не могло стать основным или даже важным источником существования населения. Первый же масштабный неурожай или падеж должен был раз и навсегда решить проблему: грабители-профессионалы умерли бы от голода почти одновременно со своими перманентными жертвами. Это не отменяет существования целых поселений, где походы за добычей (рабами) являлись основным ремеслом. В самом горском хозяйстве невольники не играли существенной роли, их продавали в Персию, Турцию, среднеазиатским купцам. Однако признание наличия на Кавказе таких "разбойничьих гнезд" никак не может служить основанием для экстраполяции их нравов на все народы края. В европейских и американских городах существовали кварталы, жителям которых за совершенные ими преступления в совокупности полагался срок тюремного заключения, превышающий их совокупный возраст. Это, однако, не является основанием для "масштабных" выводов о типе культурного развития этнических групп, населявших эти города.

В 2004 г. вышла в свет фундаментальная монография М.М. Блиева "Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации", где привязанность исследователей к вопросу о колониальной природе политики России и освободительном характере движения горцев с полным основанием названа препятствием на пути к новым подходам в изучении Кавказской войны⁷. Автор предложил сместить фокус исследования на связь боевых действий с процессами, протекавшими в недрах горского социума. Прежде всего, Блиев уделил большое внимание "сюжетной реконструкции" войны, поскольку для

отечественной научной литературы действительно характерной была "событийная разорванность". Здесь уместно напомнить, что именно этот автор еще в 1983 г. опубликовал в журнале "Вопросы истории" статью, которая стала по существу первым смелым шагом за рамки "антиколониально-антифеодальной" концепции⁸. Главным в книге является положение о том, что "в ходе боевых перипетий горцы совершали собственную Революцию – переход от простейших форм общественной жизни к цивилизации". Блиев сопоставил процессы, охватившие Кавказ в XIX в., с "потрясениями VII в., происходившими на Аравийском полуострове", и заключил, что процессы эти "протекали по классическим канонам духовно-политического опыта пророка Мухаммеда"⁹. Тем самым автор избегает дискуссионного узла, образующегося из переплетения вопросов о роли в развязывании и затягивании конфликта российского военного давления и горской набеговой активности. Он пишет: «Война – это прежде всего комплекс социально-экономических, политических и идеологических отношений на одном из наиболее важных этапов перехода однотипных общественных структур Большого Кавказа к классовому строю и государству. В такой ипостаси Кавказская война имела свои закономерности развития: зависимость их от России – не более чем во внешнем факторе. Это положение относится и к идеологическим процессам. Связанная своим происхождением больше с классообразующими явлениями, чем с политикой России, идеология Кавказской войны базировалась не на каких-то "временных призывах", а на исламе – классической религии, сопровождавшей формирование классовых обществ и государств во многих регионах»¹⁰. На этой основе Блиеву удалось создать довольно стройную схему, объясняющую ряд особенностей войны. Так, например, распространению влияния Шамиля в Кабарде и Адыгее препятствовали сложившиеся там феодальные общества, а социальному переустройству Чечни помешало постоянное военное давление России и потребность более длительного воздействия на традиционные социальные структуры этого региона. Длительность же войны обуславливалась "консервативностью горской экономики"¹¹.

Рамки историографического очерка не позволяют развернуть полемику по частным вопросам, хотя их при чтении книги Блиева возникает немало. Так, при характеристике действий Шамиля в 1835–1836 гг. упускается из виду то обстоятельство, что после войны с Персией 1804–1813 гг. Дагестан считался территорией России. Поэтому все жители этого края, не выступающие с оружием в руках против правительства, находились под защитой короны. Шамиль же для распространения своих идей не мог ограничиваться только мерами убеждения. Следовательно, неизбежны в такой ситуации насильственные действия с его стороны, направленные исключительно на соплеменников, не могли не вызвать жесткого противодействия со стороны русского командования. Уже по одной этой причине мирное сосуществование имамата и России было совершенно невозможно. Однако при всей спорности многих положений монографии Блиева, она является крупным шагом на пути изучения процесса включения Кавказа в состав Российской империи. Книга – удачный пример отступления от евроцентризма, на основе которого строились имперские, и "марксистско-ленинские", и "постсоветские-националистические" конструкты изучения Кавказской войны. Представителей всех перечисленных направлений историографии объединяло положение, согласно которому активной стороной в конфликте была Россия, а горцы лишь реагировали на ее агрессию. Блиев, отдавая должное фактору имперской экспансии, представляет формирование имамата Шамиля как самостоятельный социокультурный процесс.

В учебном пособии "Северный Кавказ в составе Российской империи" (авторы – Д.Ю. Арапов, И.Л. Бабич, В.О. Бобровников, Дж. Гаккаев, В.Х. Кажаров, А.Е. Криштопа, Л.Т. Соловьева, Н.А. Сотавов, Н.А. Цуциев) есть отдельная глава (гл. 5, авторы – В.О. Бобровников и В.Х. Кажаров) под названием "Кавказская война в судьбах региона и Российской империи". Кроме того, в других разделах этой книги есть немало сюжетов, так или иначе связанных с этим историческим феноменом.

Несмотря на объявленное во введении стремление по-новому подойти к истории включения Кавказа в состав России, в тексте отчетливо просматриваются следы тези-

са о "добровольном вхождении". Из рассказа о Персидском походе 1722–1723 гг. исключены сведения о разгроме аула Эндери, о множестве других боев, имевших место в Дагестане в 1725–1735 гг.¹² Нет упоминаний о многочисленных столкновениях с кабардинцами и о репрессиях по отношению к ним¹³. Спорным выглядит и тезис о том, что горцы начали нападения на Азово-Моздокскую линию после того, как русская сторона отказалась срыть укрепления, лишившие их сельскохозяйственных угодий и разорявшие тем самым местное крестьянство. Если верить авторам, до 1780-х гг. столкновений с горцами не было¹⁴. Куда же следует отнести разгром отряда полковника Коха чеченцами в 1732 г., разорение приграничных чеченских аулов по решению Военной коллегии в 1758 и 1769 гг.? При чтении фрагмента о русско-турецкой войне 1787–1791 гг. создается полное впечатление, что горцы Западного Кавказа были союзниками русских¹⁵. На самом же деле они отказывались быть под властью как султана, так и царя. Действительно, горцы враждебно встретили корпус Батал-паши, двигавшийся от Анапы на Моздок, но еще большее сопротивление они оказали русским войскам, подступавшим к стенам Анапы в 1788, 1790 и 1791 гг. Как отголосок имперской традиции выглядит изображение Кавказа XVIII–XIX вв. полем битвы России, Турции, Персии и Великобритании. Признавая всю важность геополитических сюжетов, нельзя согласиться с таким умалением роли самих народов этого края.

Несколько озадачивает приверженность авторов традиционным хронологическим и географическим рамкам войны. При этом попытки раздвинуть эти рамки связываются исключительно с политическими спекуляциями – стремлением представить всю историю взаимоотношений России и Кавказа как один непрекращающийся конфликт. Думается, оглядка на возможное некорректное использование научных споров в пропаганде, в идеологических и политических конструктах выхолащивает академическую полемику. То, что сегодня принято называть Кавказской войной, представляло собой клубок разнохарактерных и разновременных конфликтов. Помещение войны в традиционные рамки (1817–1864) – следствие причудливого сплава тезисов дореволюционной имперской и советской историографии. Эти рамки помогли втиснуть присоединение Кавказа и Закавказья к России в "антифеодально-антиколониальную" парадигму, упрочить концепцию "добровольного вхождения народов в состав России", объяснить длительность войны¹⁶. На мой взгляд, Кавказская война началась Персидским походом Петра I (1722–1723), а закончилась восстанием 1877–1878 гг. в Чечне и Дагестане. Элементарный перечень вооруженных столкновений в регионе демонстрирует всю искусственность ограничения войны временем от А.П. Ермолова до А.И. Барятинского. Не менее важным является то, что сам характер военных действий и мотиваций их участников не претерпели за полтора столетия принципиальных изменений. Приверженность авторов традиционной хронологии остается незыблемой, хотя, например, при описании движения шейха Мансура (1785) говорится о том, что "вокруг него собирались недовольные русским засильем чеченцы, дагестанцы и кабардинцы"¹⁷. Формирование многотысячного ополчения из различных горских народов ставит под сомнение традиционную нижнюю хронологическую границу войны.

Бесспорно новым для отечественной историографии является сформулированное в книге представление о Кавказском "фронтире" – особой области контактов русского и туземного населения, где происходили сложные этнополитические и социокультурные процессы. Авторы взвешенно подходят к перспективности теории фронта для решения многих вопросов истории Северного Кавказа¹⁸. Принципиальным отличием между продвижением американских переселенцев на "дикий Запад" и раздвиганием границ Российской империи в Азию является то, что в первом случае двигателем колонизации являлась в первую очередь активность самих переселенцев. Регулирующее влияние государства было ничтожным. На Кавказе – наоборот, именно власть инициировала, организовывала, обеспечивала финансовыми и людскими ресурсами процесс внедрения "русского элемента". Удаленность от административного и экономического "ядра" державы вынуждала правительство использовать социальную и хозяйственную активность

переселенцев, поскольку их военный потенциал зависел в первую очередь от уровня самоорганизации казачества.

Напротив, несколько архаичным выглядит представление авторов о движении России на пространстве между Черным и Каспийским морем как о планомерном процессе, корректировавшемся, ускорявшемся или замедлявшемся под воздействием различных внешних обстоятельств. В рассматриваемой книге совершенно не найдено своего отражения внутренняя логика конфликта. История "умиротворения" Северного Кавказа – цепочка разномасштабных конфликтов, причем разрешение одних проблем порождало другие. Такая ситуация была типичной для пограничных областей, где состояние мира в европейском понимании этого выражения оказывалось невозможно соблюдать из-за разницы в политической культуре пограничных государств (народов). Альтернативой постоянным вооруженным столкновениям было только установление над местными "этнополитическими структурами" достаточно прочного контроля – "умиротворение" в терминологии XIX в. Те, кто принимал подданство, не только требовали защиты от своих еще не "замиренных" соседей, но и провоцировали столкновения с последними, опираясь на силу нового могущественного союзника. Новое продвижение границы в большинстве случаев не решало проблему окончательно, а лишь переносило на другую территорию.

Странным выглядит решительный отказ авторов от компаративного подхода при анализе кавказских феноменов. Основателем имперской традиции назван Д.И. Романовский, а не П. Зубов, чья двухтомная монография увидела свет в 1835 г., более чем за полвека до издания лекций генерала-историка. Зубов писал, что русские войска "извлекли Грузию и сопредельные ей земли, подвластные Российскому скипетру за Кавказом, из страшного анархического состояния; создали их благоустройство, политическую свободу, неприкосновенность собственности; озарили просвещением и гражданственностью; дали способ России предвидеть важные выгоды от ее Закавказских владений и заставили Персию и Азиатскую Турцию трепетать Российского оружия"¹⁹, и назвал горские племена "воинственными, дикими, хищными и коварными"²⁰. В работе Зубова представлена схема, на которой в дальнейшем строились сюжеты и идеологемы трудов Р.А. Фадеева, Н.Ф. Дубровина, В.А. Потто, А.Л. Зиссермана, Н.С. Дроздова, Н.В. Волконского, П.И. Ковалевского²¹. Крайне упрощенно представлена советская историография. В книге подвергается острой критике концепция М.М. Блиева, необоснованно названного современным представителем имперской традиции²².

Хотя в школьных учебниках педагогическая составляющая весомее научной, исключение их из общего историографического комплекса представляется непропорциональным. Характерная для этого жанра краткость изложения предполагает четкие формулировки и концентрацию внимания на ключевых сюжетах. Практически во всех современных учебниках по истории России XIX в. уделено внимание Кавказской войне²³, которая помещена в традиционные хронологические рамки (1816–1864). Только П.Н. Зырянов считал нужным отметить условность этой датировки²⁴. При этом о столкновениях более раннего и более позднего периода не упоминается. Отказ от "антиколониально-антифеодальной" схемы не привел к "обновлению" картины глубоких внутрикавказских противоречий. Только в книге Зырянова указано, что на стороне правительства воевали осетинские и кабардинские ополчения, хотя в милициях служили представители всех народов этого края²⁵. Удивительной жизнеспособностью тезиса об экономических корнях крупных конфликтов (что характерно для отечественной историографии в целом) можно объяснить утверждение А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной, что Кавказская война во многом была спровоцирована аграрной колонизацией²⁶. Военно-стратегическому фактору и внутренней логике конфликта не нашлось места на страницах учебника.

В учебниках содержатся неточности, вероятно, связанные с необходимостью избежать сложных построений, уместных в научной монографии, но неприемлемых в книге, предназначенной для школьников. В работе Данилова и Косулиной сказано, что Ермолов "предложил выселять местное население из равнин в горы"²⁷. На самом же деле

горцы сами уходили в труднодоступные районы, а командование, наоборот, стремились выдавить их из этих "природных крепостей" в места, где могла без помех действовать регулярная армия. Фраза "Передовая русская интеллигенция с сочувствием относилась к борьбе горцев за свободу"²⁸ – дань тезису, бытовавшему в историографии 1930–1970-х гг. о "двух Россиях", одна из которых несла народам империи угнетение, а другая (передовая) – сочувствовала им и способствовала их культурному развитию. На самом деле русское общество XIX в. было солидарно с правительством в отношении Кавказа²⁹. Наличие "остаточных явлений" советской историографии не может помешать признанию значительного прогресса. В учебниках виден решительный уход от схемы, характерной для советской историографии, где в разных пропорциях неизменно перемещивались "национально-освободительная" и "антифеодалная" составляющие конфликта.

На мой взгляд, главным академическим изъяном в изучении Кавказской войны в последнее десятилетие является то, что она зачастую по-прежнему рассматривается как вариант "европейского" военного конфликта, т.е. столкновения двух политических организаций, опирающихся в своих действиях на сопоставимые культурные принципы. Французы и немцы, венецианцы и генуэзцы, все, кто скреплял оружие на пространстве от Гибралтара до Вислы, примерно одинаково понимали характер происходящего в ходе войн. Совсем иная картина складывалась за Терек и Кубанью. Обе стороны не хотели и не могли понять друг друга. Присоединение Северного Кавказа к России представляло собой нескончаемую вереницу "мятежей" и "покорений". О справедливости выделения периода 1817–1859 гг. можно говорить только с учетом того, что в это время обе стороны осознали (хотя и не до конца) масштабность проблемы ("горской" – для России и "российской" – для горцев). В Петербурге поняли, что на Кавказ следует послать большие силы и видного военачальника. В аулах же после первых походов А.П. Ермолова увидели: появился принципиально новый противник, который в отличие от персов, арабов и монголов пытается обосноваться на их исконных землях и диктовать нормы социальной и культурной жизни.

Еще одним слабым местом в современном изучении Кавказской войны является недостаточное внимание к компаративизму. Сопоставление действий европейских держав за пределами Старого Света с российской практикой присоединения и "обустройства" сопредельных территорий выглядит очень перспективным. Заметное продвижение в исследовании процесса "умиротворения" Северного Кавказа обещает и применение методов военно-исторической антропологии. Здесь уместно упомянуть новаторскую работу Р.А. Салчинкиной о формировании психологии комбатантства в Отдельном Кавказском корпусе³⁰.

"В постсоветской историографии в целом продолжают господствовать подходы поздней советской школы: Кавказская война предстает как разновидность национально-освободительного движения, дореволюционное общество изображается переходным от феодализма к капитализму, а российское завоевание и реформы – как мощный толчок к такому переходу"³¹. Эта характеристика нынешнего состояния изучения Кавказской войны и кавказоведения в целом не кажется вполне справедливой. Большую озабоченность вызывает главное "родимое пятно" еще советской историографии: претензии некоторых авторов на "единственно правильную" точку зрения и неизбежно сопутствующая таким претензиям некорректная критика несогласных с ней. Это и есть "господствующий подход" советской школы в худшем понимании этого понятия. Хочется надеяться, что он станет фактом прошлого.

Примечания

¹ Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник русского исторического общества. № 2 (150). М., 2000. С. 244.

² Гордин Я.А. Кавказ. Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. С. 43.

³ Там же. С. 135.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа. Обычай. Право. Насилие. М., 2002. С. 16–25.

⁶ См., напр.: Там же. С. 30–32, 38–40.

⁷ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004. С. 1.

⁸ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2. С. 54.

⁹ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа... С. 795.

¹⁰ Там же. С. 160–161.

¹¹ Там же. С. 795, 801.

¹² Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2006. С. 39–41.

¹³ Там же. С. 48.

¹⁴ Там же. С. 50.

¹⁵ Там же. С. 50, 53.

¹⁶ См. подробнее: Лапин В.В. Хронологические рамки Кавказской войны в контексте ее историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. История. Вып. 3. С. 78–89.

¹⁷ Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 97.

¹⁸ Там же. С. 55–57.

¹⁹ Зубов П. Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800 по 1834 год. Т. 1. СПб., 1835. С. VIII–IX.

Паг. 1-я.

²⁰ Там же. С. VIII. Паг. 1-я.

²¹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1–6. СПб., 1871–1888; Зиссерман А.Л. фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815–1879. Т. 1–3. М., 1888–1891; Ковалевский П.И. Завоевание Кавказа Россией. Исторические очерки. СПб., 1911; Потто В.А. Исторический очерк Кавказских войск от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899; его же. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1897; Фадеев Р.А. 60 лет кавказской войны // Фадеев Р.А. Собр. соч. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1889.

²² Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 132–133, 320–324.

²³ При подготовке статьи использованы учебники, "допущенные" или "рекомендованные" Министерством образования Российской Федерации: Данилов А.А., Косулина Л.Г. История государства и народов России. XIX век. М., 2002; Волобуев О.В., Клоков В.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А. Россия и мир. М., 2006; Зырянов П.Н. История России. XIX век. М., 2002; Пашков Б.Г. История России XVIII–XIX века. М., 2002; Захарова Е.Н. История России XIX – начала XX вв. М., 2003; Боханов А.Н. История России. XIX век. М., 2002; Ляшенко Л.М. История России. XIX век. М., 2006.

²⁴ Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 82.

²⁵ Там же.

²⁶ Данилов А.А., Косулина Л.Г. Указ. соч. С. 94; Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 80.

²⁷ Данилов А.А., Косулина Л.Г. Указ. соч. С. 93.

²⁸ Волобуев О.В., Клоков В.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 344.

²⁹ См. подробнее: Гордин Я.А. Указ. соч.

³⁰ Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817–1864 гг. и психология комбатантства. Автореф. дисс. ... к.и.н. Краснодар, 2005.

³¹ Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 324.